

Признать собственное бессилие, бороться со словами Фэнхуа и в то же время отчаянно в них верить — это значило позволить сердцу разлететься на осколки.

Дыхание стало тяжёлым, натужным. Смерть уже витала рядом, её ледяное прикосновение чувствовалось в каждом порыве ветра, который прежде ревел, а теперь лишь издевательски шуршал опавшей листвой.

Локти были измазаны подсохшей кровью, в ноздри бил едкий запах меди. Жизнь по капле покидала это измученное тело. Но вдруг — пронзительный крик одинокого гуся в небе. Резкий звук, как удар хлыста, заставил угасающее сознание встрепенуться.

Я почувал близость конца.

Я невольно оскалился иссохшими и окровавленными губами. Вперил затуманенный взгляд в сумеречное небо. До боли впился пальцами в землю, ломая ногти о камни и песок. У меня перехватило горло, веки налились свинцом, но я заставил себя не проваливаться во тьму.

Я не мог умереть вот так — нелепо, ничего не понимая!

Почему всё рухнуло в один миг? Что это за пустота, выжигающая изнутри? Неужели всё, что было, — лишь дурной сон?

Где тот, кто обнимал меня и шептал на ухо, согревая своим дыханием?

Где тот, кто краснел и робко сжимал мою руку?

Где тот, кто смотрел на меня из-под длинных ресниц, замирая от нежности?

Неужели человеческое сердце настолько переменчиво? Или... я никогда и не владел его душой? Все те клятвы, те взгляды — была ли в них хоть капля истины, или я просто обманывал сам себя?

Я ничего не понимал. Совсем ничего.

Кто он? И кто, в конце концов, я?

— Ха... Тень? Лишь подмена? — я рассмеялся, и этот звук, хриплый и надрывный, больше походил на лай раненого зверя.

От каждого спазма в израненном теле открывались старые раны. Воздух дрожал от этого яростного хохота. В этой пустой глуши я хохотал до тех пор, пока голос не пропал

окончательно. Я огляделся: вокруг ни души. Одиночество, глубокое и затхлое, как заброшенная могила, поглотило меня. Со временем даже имя на надгробии стирается в пыль.

На глаза навернулись слёзы. Я до боли сжал кулаки, не позволяя себе разрыдаться вслух.

Когда в один день всё, что ты считал своим — любовь и ненависть, радость и боль, — превращается в чужие воспоминания, остаётся лишь пустота. Непреодолимая бездна.

«Сама судьба предрекла тебе Рок восьми одиночеств. Это твое испытание, твоё проклятие, и винить тут некого!»

— Проклятие? К чёрту такое проклятие! — выплюнул я вместе с кровью.

Сквозь пелену слёз я с трудом поднял голову и начал ползти. Сантиметр за сантиметром, впиваясь ногтями в дёрн. Позади оставалась кровавая борозда — мой путь, на который я не оборачивался. Камни резали кожу, песок забивался в открытое мясо, боль была такой, будто тысячи насекомых заживо пожирают плоть. По лицу катился ледяной пот, смешиваясь со слезами и дорожной пылью, но я не останавливался.

Я твердил себе: нужно найти безопасное место. Нужно выжить.

Да, выжить назло всему.

Если я не могу изменить судьбу, это не значит, что я готов смиренно принять её удар.

Если боль — это то, что заставляет меня чувствовать себя живым, я приму эту боль. Пусть я нищий, пусть я уродлив, пусть впереди лишь мрак и холод — я не отступлю. Я не умею бежать, не умею прощать и не умею отпускать то, что считаю своим.

Глупо? Возможно. Но таков мой выбор.

Добравшись до холма, с которого открывался хороший обзор, я наконец позволил себе перевести дух. Неба не было видно — лишь свинцовые тучи давили на землю. Изредка сквозь них пробивался бледный луч, но этот свет не приносил тепла, лишь подчёркивал мертвенную бледность мира.

Я понял: не всякий свет согревает. А тот, что грел когда-то, рано или поздно гаснет навсегда.

— Колесо сансары вращается, шесть миров — лишь пустота, тысячи иллюзий туманят взор, и трудно отличить истину от лжи, — прошептал я слова древнего поучения.

Красиво сказано. Но кто по-настоящему способен это осознать?

Я почувствовал, как веки тяжелеют, и забылся тревожным сном.

***

В то утро выпал первый снег.

Я сидел, забившись в тёмный угол, словно паршивый пёс, от которого все брезгливо воротят нос. Грязные, спутанные волосы закрывали лицо, превратившееся в маску из запекшейся крови и пыли. Я поплотнее запахнул свои обноски и поднялся, стряхивая снежную крупу.

Снег падал на плечи. В нём не было красоты — только пронизывающий до костей холод.

Раньше мне случалось голодать и бродяжничать, но никогда ещё мир не казался таким ледяным.

На улицах кипела жизнь. Мимо проходили люди — равнодушные, спешащие по своим делам. Я прятал голову в плечи, стараясь скрыть своё уродство, вызывавшее у прохожих лишь отвращение.

Я подышал на замерзшие, покрасневшие пальцы, пытаюсь вернуть им чувствительность.

Когда раны немного затянулись и я смог твердо стоять на ногах, я вернулся в дом, где жил Мо Чэ. Но там было пусто. Я ждал долго, надеясь увидеть хоть чью-то тень, но напрасно.

Если кто-то остается лишь для того, чтобы ждать, — уход неизбежен. Говорят, забвение лечит, но «Бессмертная орхидея Забвения» — это лишь способ помнить ещё острее. Когда отчаянно хочешь что-то забыть, образы только сильнее вгрызаются в память.

Я не хотел быть дураком, ждущим чуда. Я не умею лгать самому себе.

Раз уж я решил встать, оборачиваться нет смысла.

Тот, кто проливал кровь, становится храбрее. Тот, кто проливал слёзы, становится сильнее.

Они ушли давно. Значит, мне пора искать свой путь.

Но не успел я покинуть город, как вслед мне полетели проклятия. Горожане называли меня вором, судили по моей жалкой одежде и крадущейся походке. Я хотел было возразить, но случайно увидел своё отражение в грязной луже. Багровые пятна, искажённые черты — лицо

уродца, от которого веет могильным холодом. Слова застряли в горле. Вся моя прежняя спесь сменилась осторожной, пугливой тишиной.

Я ушёл молча.

Люди всегда боятся того, что не вписывается в их привычный мир. И я не мог их винить — я и сам бы хотел прогнать создание, чей вид внушает лишь ужас и тревогу.

Я шёл два месяца. День за днём, миля за милей, я наконец понял, что значит по-настоящему чувствовать землю под ногами.

Я посмотрел на ладонь, где тускло мерцала алая метка, и тяжело вздохнул. Восточное море было уже близко.

У меня было две цели. Первая — вернуть Божественную жемчужину застывшей луны. Вторая — разузнать хоть что-то о Мо Чэ... нет. О Старшем бессмертном Шуйхуа.

Хватит неведения. Я должен знать правду. Должен.

<http://bllate.org/book/17534/1706974>